

Верлена ФРАЕР

От редакции. В 2009 году на страницах «Амура» были опубликованы воспоминания Верлены Львовны Фраер о её муже Марке Либеровиче Гофмане – «Дело всей жизни». Работа над воспоминаниями была продолжена, и сегодня вниманию читателей мы предлагаем мемуарный очерк, главным героем которого стал Леонид Андреевич Завальнюк, на протяжении более полувека остававшийся близким другом не только Марка Либеровича, но и всей его семьи.

С НИМ БЫЛО ОЧЕНЬ ЛЕГКО... (Вспоминая о Леониде Завальнюке)

В феврале 1952 г. Марк отправился в г. Благовещенск, куда был приглашён на работу редактором областного издательства. Так как вопрос с жильём обещали решить в ближайшее время, я с маленьким сыном оставалась в Киеве. Поезд шёл тогда от Москвы почти девять суток. С дороги Марк посылал каждый день по открытке. И вот, наконец, пришло письмо из Благовещенска. Муж писал о городе, о том, как встретили. Издательство было совсем молодое, создано всего год назад. Марк первым делом стал знакомиться с содержимым редакционного «портфеля». Его внимание привлекли стихи некоего Л. Завальнюка. Выяснилось, что поэт проходит военную службу в селе Среднебелая, недалеко от Благовещенска. Ему тут же было отправлено письмо с приглашением приехать. Встреча вскоре состоялась. К сожалению, я на ней не присутствовала. Но у Лёни есть замечательная книжка «Избранные места из переписки с самим собой», где он рассказывает об этой встрече, которая, по его словам, во многом определила всю его дальнейшую жизнь. В «Избранных местах...» Марк выведен под псевдонимом «Сирано». Их первую беседу я очень живо представляю, потому что многие годы была свидетелем общения двух друзей.

С тех пор пролетело почти шестьдесят лет. В том давнем письме Марк, конечно, не описывает так ярко эту встречу, но впоследствии он всё время возвращался к этой теме, и мне, конечно, очень хотелось тоже познакомиться с автором стихов, которые Марк цитировал в письмах.

В октябре я с сыном приехала к мужу. Жить было негде, а впереди – зима. Директор издательства, который нас обманул, обещая жильё, предложил поселиться рядом с его четырёхкомнатной квартирой в комнатухе, где раньше хранили зимой картошку и варили корм свиньям. Кое-как привели в божеский вид эти «апартаменты» и стали жить. Вот туда и пришёл к нам в гости молодой солдатик Лёня. С ним было очень легко и просто. Он приезжал к нам каждый раз, как получал увольнение. Лёня был моложе нас на четыре года, но эта разница в возрасте не чувствовалась: он был взрослее нас, больше пережил. Конечно, наше с Марком детство было прервано войной, эвакуация, голод и нищета многому научили нас. Но как ни тяжело приходилось, мы были с родителями. А Лёня с десятилетнего возраста, оставшись без матери, а вскоре и без отца, был предоставлен самому себе, сам организовывал свою жизнь и решал тяжелейшие проблемы, когда нечего было есть, не во

что одеться и негде переночевать. Думаю, что помогало ему чувство юмора, оно определяло его отношение к людям, да и к самому себе. У него не было дома, где бы его ждали, с самого детства. У нас он почувствовал себя дома, в семье. Он пишет об этом в своих воспоминаниях и в стихах: «Где дом друзей, там родина моя».

Марку удалось добиться, чтобы дальнейшую службу Лёне разрешили проходить в городе, и его взяли в типографию военной газеты резчиком бумаги. Это давало молодому поэту время и место заниматься стихами и общаться с Марком – редактором и просто другом. Когда срок службы Лёни подходил к концу, надо было думать, как жить дальше. Всё решалось в бурных спорах. Были планы поступить в технический вуз, ведь в армию его взяли из техникума. В конце концов, Лёня твёрдо решил поступать в Литинститут. Но аттестата зрелости не было: он закончил только первый курс техникума. Продолжая службу, Лёня стал готовиться к школьным экзаменам экстерном. Было трудно, но человек он был способный, усваивал всё прекрасно, Марк ему помогал.

Они с мужем были очень разными людьми и по жизненному опыту, и по эрудиции, но это не мешало их общению. Они росли параллельно, питая друг друга тем, что каждый успел узнать и перечувствовать.

Когда Лёня стал студентом, все каникулы он проводил у нас. К тому времени мы переселились в большую комнату в бревенчатом бараке, где до революции были казачьи казармы. Там было холодно, но места хватало. Двери у нас всегда оставались открытыми, приходили друзья, и мы проводили время весело и интересно. Это была середина 1950-х, жизнь менялась с каждым днём, выходили новые газеты, книги. Лёня привозил нам из Москвы много интересного: магнитофонные записи Окуджавы, Новеллы Матвеевой, Галича, альманахи литинститута, ну и, конечно, всё, что написал за это время. Летом 1956 г. на практику вместе с Лёней приехали Иосиф Курлат, Рита Шипош и Галя Арбузова. Мальчики жили у нас, а девочки – в общежитии пединститута. Много было интересных приключений, особенно связанных с Курлатом, но рассказать это всё не хватит места и времени.

В 1958 г. оттепель стала отступать, наступили заморозки. То и дело появлялись в прессе литературные разборки с оргвыводами: «Не хлебом единым», «Тарусские страницы», Пастернак... Естественно, провинция старалась не отставать. На издательство пили бесконечные нападки: «чуж-

« Леонид Завальнюк в окне квартиры Гофманов с той самой газетой в руках

Л. Завальнюк, М. Гофман и режиссёр Ю. Карасик (справа): подготовка к съёмкам фильма «Человек, которого я люблю» по повести «Дневник Родьки – “трудного” человека»

Последний раз в доме друзей. 2004 г.

дое», «злостное», «враждебное» – это были излюбленные эпитеты критиков. На Марка, который стал к этому времени главным редактором издательства, сыпались замечания и выговоры. Среди местной «литературной элиты» было достаточно таких, которые считали себя незаслуженно обойденными издательством, тогда как другим – «своим» – дорога была открыта. Как всегда в таких ситуациях, они сблизись в стаю и пошли в наступление. В одной местной газете появился фельетон на целую полосу – «Марк Гофман и К°». «К°» – это, конечно, в основном, Завальнюк, который уже давно был для них как кость в горле: его постоянно печатали, шли хвалебные рецензии. В фельетоне Гофман и К° изображались как наглые, бессовестные жулики, не дающие возможности развиваться честным и истинным талантам. Там была масса вранья. В это же время вышел очередной альманах «Приамурье», в котором была напечатана сатирическая повесть доктора наук, биолога Д.Ф. Мартынюка «Потомки ланцепупов», остроумно изображавшая состояние сельского хозяйства на Дальнем Востоке, и ещё некоторые материалы. Из Москвы пришла бумага со строжайшими отзывами и требованиями наказать. Была создана комиссия при обкоме партии, назначено заседание, где решалась судьба издательства и, конечно, Гофмана. Марк должен был отчитаться. Когда члены комиссии сели за стол, перед каждым услужливо был положен фельетон, выпущенный к этому дню. Сейчас трудно представить, в каком состоянии была наша семья. Ведь оргвыводы могли быть разными: исключить из партии, выгнать с работы, посадить. А остаться без работы в такой дали от родных, с двумя детьми (дочке ещё не было года) – перспектива страшная. Марк был в состоянии депрессии.

Лёня в это время находился в Москве, и я написала ему. Он ответил: «Так как вы теперь многосемейные, не решайте ничего сами. Пишите обо всём, и будем решать вместе. Если Марк лишится работы и нужно будет как-то пережить ближайшее столетие, плюньте на стеснительность и пишите прямо “SOS” или в этом роде. Когда я злой, я умею делать всё, даже воровать, так что будем жить хорошо и даже с приёмами гостей. <...> Эра, пишите, что думает Марк и как он смотрит на меня. Мне кажется, что он, гад, хочет оградить меня от всяких неприятностей и будет всё валить на себя». Потом Лёня обратился в «Литературную газету», и там занялись этим делом. К счастью, всё кончилось строгим выговором с занесением в личное дело. Всё-таки учли заслуги Гофмана, за пять лет работы сделано было много хорошего. Вскоре приехал Лёня, и постепенно эта рана затянулась. У нас была фотография, которая, к сожалению, затерялась. Там Лёня сидит на окне второго этажа нашего барака, свесив ноги, в шляпе из той самой газеты с фельетоном (заглавие видно).

В Благовещенске к Лёне всегда относились с симпатией. Когда он приезжал, устраивались встречи, народу собиралось много. Люди гордились его успехами, его фильмом, песнями и, конечно, стихами. В педуниверситете есть литературный музей, где Завальнюку посвящена отдельная экспозиция. Мы передали туда много фотографий, книг и рукописей. Много всего отдали в областной музей. Несколько лет назад кафедра литературы БГПУ пригласила сюда Лёню на целый месяц, во время которого он проводил встречи с читателями, мастер-классы. На кафедре литературы пишут диссертацию и дипломные работы, посвящённые его творчеству.

До дефолта 1998 г. он приезжал к нам каждый год. Лёня говорил, что здесь ему хорошо работается. Когда он жил у нас, я видела, как непросто давался Лёне творческий процесс. По утрам он закрывался в дочкиной комнате (у нас уже была большая квартира). Так как я работала почти всегда во вторую смену, в это время занималась дома своими делами. Из-за закрытой двери слышалось неясное бормотание: Лёня пробовал стихи на слух. Когда он выходил покурить, его трудно было узнать: бледное лицо, мокрый от пота лоб, отсутствующий взгляд, губы продолжают бормотать. Было видно, чего стоила ему эта работа.

Помню, как Лёня начинал писать песни. Близким другом у нас был Ривлин, журналист газеты «Амурская правда», замечательный музыкант-пианист и композитор. Они с Лёней написали много хороших песен, которые потом вошли в сборник и исполнялись местными певцами. Думаю, этот опыт пригодился Лёне, когда он стал работать с Ю. Саульским.

В своих воспоминаниях Лёня пишет, как он начал рисовать, познакомившись с художниками Л. Мильчиным и Т. Полетикой. Мне кажется, что это произошло гораздо раньше, у нас дома. Мы много рисовали, играли в «закорючки». Сиделись вокруг большого круглого стола, каждый брал лист бумаги и делал на нём карандашный произвольный штрих. Лист передавался соседу, который должен был добавить к этому штриху детали (их должно было быть как можно меньше), чтобы получилось что-то узнаваемое. Выходили забавные вещи, мы хохотали. Когда Лёня получил своё первое жильё – деревянный домишко в одну комнату с неоштукатуренными стенами, осевший в землю так, что войти в него со двора надо было по ступеньке вниз, – мы выписали в типографии несколько рулонов картона, которым обили стены и потолок. Потом решили этот картон разрисовать, чтобы было похоже на жилое помещение. Там, а не в новой настоящей квартире, как Лёня ошибочно пишет в своих воспоминаниях, был нарисован персидский ковёр, стеллажи с книгами, на корешках которых было написано «Завальнюк», и даже швейцар у дверей. Потом я стала покупать разделочные кухонные доски и рисовать на них гуашью. Лёне это понравилось, и он разрисовал много таких досок. Некоторые из них и сейчас висят у нас на стенах.

Кроме «закорючек» любимой была игра в «сумасшедшего поэта». Каждый на своём листке пишет стихотворную строчку, передаёт листок соседу, тот пишет следующую строчку и т.д. Получается стихотворение – творение сумасшедшего поэта. Обычно концовку потом переделывал Лёня. Получались пародии на серьёзную философскую лирику. Было очень весело. Потом Лёня купил какую-то толстенную тетрадь и стал записывать туда самые удачные стихи «сумасшедшего поэта». Лёня придумал автора и дал ему имя Иван да-Василевский. Тетрадь сохранилась, читать её очень забавно, иногда не верится, что это написано таким способом.

Приезд Лёни, организованный педуниверситетом в 2004-м, был последним. Он часто звонил. Каждое новое стихотворение сразу читал по телефону. Были случаи, когда он, прочитав стихотворение, через несколько часов снова звонил: написал ещё одно. Потом, перепечатав их, присылал по почте. Так было до последних дней жизни Марка.

Лёня пережил Марка на два года. Думаю, что эта потеря ускорила и его уход.